

Шосткин А. П. Личность в иезуитизме: По поводу выхода графа Генсбреха [=Р. Hoensbroech] из ордена иезуитов // Богословский вестник 1894. Т. 4. № 12. С. 493–510 (2-я пагин.). (Окончание.)

ЛИЧНОСТЬ ВЪ ІЕЗУИТИЗМѢ ¹⁾.

По поводу выхода графа Гѣнсбреха изъ ордена іезуитовъ.

Отъ характеристики обычной повседневной жизни въ іезуитскомъ орденѣ графъ Гѣнсбрехъ переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ *религіозно-аскетической* жизни іезуитовъ, предваряя свои разсужденія общимъ замѣчаніемъ, что и въ этой области христіанинъ также имѣетъ совершенно законное право и возможность сохранивъ и проявить свою индивидуальность. Съ какою покорностію ни подчинялся бы онъ богооткровеннымъ истинамъ, съ какою готовностію ни выполнялъ бы онъ предписанныя Богомъ религіозныя упражненія,—все еще остается не мало мѣста для его частнаго личнаго благочестія. Въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ своего сердца онъ свободенъ бесѣдовать съ Богомъ своимъ такъ или иначе. И это жизненное внутреннѣйшее взаимоотношеніе Творца и Его творенія всегда должно оставаться свободнымъ, не подлежа шаблону, ибо „Богъ, давшій человѣку *христіанство*, есть вмѣстѣ и Творецъ *человѣческой природы*, и конечно Онъ отнюдь не хотѣлъ подавлять однимъ другое“ (стр. 20).

Не то видимъ въ іезуитизмѣ. Его аскетизмъ стремится поставить человѣка въ строго-опредѣленные рамки не только по отношенію къ содержанію и основнымъ формамъ богочитанія—къ догмату и морали, но даже и по отношенію къ его частному благочестію. Внутреннѣйшее общеніе человѣка съ Богомъ должно происходить не иначе, какъ только въ іезуитскихъ формахъ. Свободному самоопредѣленію здѣсь рѣшительно ничего не предоставлено; все дол-

¹⁾ Окончаніе. См. январ. кн. Богословскаго Вѣстника.

жно подчиниться правилу. „Только іезуитами написанные молитвенники даются въ руки новицію; только изъ іезуитскаго ордена житія святыхъ можетъ онъ читать.... Какъ религіозное учрежденіе, іезуитскій орденъ представляется ему всегда наивысшимъ совершенствомъ, идеаломъ аскетизма. Никакой другой орденъ католической церкви въ этомъ отношеніи не можетъ съ нимъ сравняться“... Новиціямъ постоянно внушается, что духъ іезуитизма есть совершеннѣйшее отраженіе духа Самого Христа, по содержанію и формѣ... Словомъ, здѣсь полнѣйшая и исключительная монополія на христіанское совершенство.

Гёнсбрехъ говоритъ о себѣ, что въ первые же годы пребыванія своего въ орденѣ онъ былъ непріятно пораженъ постояннымъ проявленіемъ этого іезуитскаго духа, этого горделиваго самопревозношенія. „Въ самыхъ приемахъ іезуитскаго мышленія и писательства,—говоритъ онъ,—иногда тише, иногда громче, но почти всегда явственно, слышится извѣстное слово: „Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди“ (стр. 21—22).

„Въ такой-то умственно-религіозной атмосферѣ,—прибавляетъ Гёнсбрехъ,—живетъ юный іезуитъ, тщательно оберегаемый отъ малѣйшаго вѣянія какого-либо иного направленія,—живетъ нерѣдко въ продолженіе 12 и 15 лѣтъ. Уже одно только это постоянное вдыханіе такого, всегда одинаковаго, воздуха могло бы доставить духу іезуитизма полное господство надъ всякимъ индивидуальнымъ религіознымъ движеніемъ. Но къ этому присоединяются еще другія энергическія средства“.

Къ числу таковыхъ средствъ онъ относитъ прежде всего 30-дневныя „духовныя упражненія“ (exercitia spiritualia), совершаемыя новиціями въ полномъ уединеніи и строжайшемъ молчаніи, ежедневно въ продолженіе 4 часовъ ¹⁾. Эти аскетическія упражненія новиціата повторяются затѣмъ и въ терціатѣ, съ точно такою же строго-уединенною и молчаливою обстановкою, но уже съ 5-часовою продолжительностію (пятый часъ—самый фантастическій и глубоко-тайнственный, отъ 12 до 1 ч. ночи). Въ промежуточное же время между этими стадіями іезуитскаго развитія, равно какъ и вообще во всю свою жизнь, каждый іезуитъ обя-

¹⁾ На каждое упражненіе полагается часъ времени.

занъ ежегодно посвящать на „экзерциціи“, по крайней мѣрѣ, восемь полныхъ дней.

Не возражая ничего противъ объективнаго достоинства этой аскетической системы, даже признавая его безспорнымъ, авторъ брошюры высказываетъ большое негодованіе лишь по поводу того, что „здѣсь личный взглядъ на благочестіе *одного* индивидуума, именно—Игнатія Лойолы, основателя ордена, навязывается *всѣмъ* членамъ ордена, и тысячи индивидуальностей въ своемъ личномъ отношеніи къ Богу и въ своемъ пониманіи аскетизма обязаны руководствоваться предписаніями этого *одного* человѣка“ (стр. 23).—Нельзя конечно не присоединиться къ этому осужденію иезуитскаго аскетизма, высказанному въ столь мягкой формѣ. Всѣмъ и каждому достаточно извѣстно, что для нравственнаго совершенства нѣкоторыхъ христіанскихъ подвижниковъ было полезно проводить жизнь на столпахъ, спать въ заранѣе приготовленныхъ гробахъ, зарывать себя по грудь въ землю, принимать на себя подвигъ юродства и т. д. и т. д. Но развѣ можно было бы побуждать къ чему-либо подобному цѣлыя тысячи христіанскихъ юношей, внушая имъ, что это—самый вѣрный и лучшій (если не единственный) способъ угодить Господу?!. Очевидно, это было бы страшнымъ насиліемъ надъ человѣческой личностію, насиліемъ нелѣпымъ и жестокимъ, основаннымъ на обманѣ и неимѣющимъ для себя ни малѣйшаго оправданія.

Намъ думается однако же, что Гёнсбрехъ высказалъ приговоръ системѣ иезуитскаго аскетизма въ *слишкомъ* мягкой и снисходительной формѣ, такъ какъ и объективное достоинство этой системы, на нашъ взглядъ, далеко не безспорно. Въ самомъ дѣлѣ, — что такое представляютъ собою Лойоловскія *exercitia spiritualia*? Къ крайнему нашему сожалѣнію, Гёнсбрехъ оставилъ это совсѣмъ невыясненнымъ; почти ни слова не говоритъ онъ о томъ, въ чемъ собственно состоятъ эти „духовныя упражненія“. Онъ ограничился почему-то самою общою и краткою замѣткою, что эта психологически-религіозная система составлена Игнатіемъ Лойолою, что исходнымъ пунктомъ ея послужили основныя христіанскія истины, что она близко примыкаетъ къ событіямъ земной жизни Господа, и что обнимаетъ она всѣ ступени благочестія. Къ ней присоединяются еще, по его словамъ,—

dazu kommen—различныя наставленія касательно испытанія совѣсти, молитвы, умерщвленія плоти, касательно дѣлъ христіанскаго милосердія, словомъ—наставленія касательно примѣненія разныхъ средствъ покаянной дисциплины (стр. 22—23). Не только при бѣгломъ чтеніи всей совокупности этихъ выраженій, но даже при внимательномъ вчитываніи и обдумываніи каждаго изъ нихъ, остается очень неяснымъ, въ чемъ же *суть* іезуитскихъ „духовныхъ экзерцицій“? Въ чемъ состоятъ они, если даже молитва и испытаніе совѣсти не *составляютъ* ихъ, а лишь *присоединяются* къ нимъ?.. Не находя желательнаго разъясненія у Гёнсбреха, поищемъ его въ другихъ мѣстахъ.

Съ великимъ удовольствіемъ и безъ особыхъ хлопотъ заимствовалъ бы я это разъясненіе у Гризингера изъ капитальной книги его объ іезуитахъ. Но мнѣ могли бы тогда возразить, что это—свидѣтельство противника, и что я не въ правѣ придавать ему полную вѣру, не провѣривъ его. На мое счастье, въ библіотекѣ Московскаго Университета нашелся отличный экземпляръ Лойоловскихъ *exercitia spiritualia* изд. 1620 г. и я вычиталъ въ этой книжкѣ почти буквально все то, что приведено у Гризингера. Вотъ напр. *пятое* упражненіе *первой* недѣли ¹⁾.

Сущность его заключается во всестороннемъ *созерцаніи ада*—*contemplatio de inferno*. Въ воображеніи своемъ іезуитъ долженъ живо представить себѣ адъ „въ его длинѣ, широтѣ и глубинѣ“ (*longitudine, latitudine ac profunditate*).

Частнѣе: первый пунктъ этого упражненія предписываетъ „*видѣть* въ своемъ воображеніи (*spectare per imaginationem*) необъятное пламя ада и самыя души, заключенныя въ горящія тѣла, какъ бы въ темницы“.

Второй пунктъ заставляеть „*слышать* въ своемъ воображеніи (*audire imaginarie*) біенія въ грудь, рыданія, вопли и т. д., хулы на Христа и святыхъ Его, доносящіяся оттуда“.

Третій: „даже *обонять* воображеніемъ (*imaginatio etiam olfactu*) запахъ дыма, сѣры, нечистоты и всякой гнили“.

Четвертый: „подобнымъ же образомъ ощущать и *вкушать* (*gustare similiter*) горечь слезъ, червей и проч.“.

¹⁾ Всѣ 30-дневныя упражненія распределены въ книжкѣ по четыремъ недѣлямъ.

Пятый: „нѣкоторымъ образомъ даже *осязать* (*tangere quodammodo*) тотъ огонь, прикосновеніемъ котораго опаляются души грѣшниковъ“.

„Въ то же самое время, *разговаривая* со Христомъ (*colloquendo interim cum Christo*) ¹⁾, слѣдуетъ приводить на память и души тѣхъ, которые осуждены на адскія мученія или потому что не хотѣли вѣровать въ пришествіе Христа, или, хотя и вѣровали, однако же не вели жизнь, сообразную съ заповѣдями Его“.

Конецъ полагается чтеніемъ молитвы „Отче нашъ“ (pag. 69—71).

А вотъ и еще небольшой примѣръ изъ той же книжки. Одно изъ упражненій *второй* недѣли, заключающее въ себѣ *созерцаніе царства Христова*, предписываетъ упражняющемуся „воспринимать *внутреннимъ слухомъ* (*auditu interno* exsistere), что говорить между собою—Божественныя Лица на небѣ объ искупленіи человѣческаго рода,—Пречистая Дѣва и Ангелъ въ келліи о тайнѣ воплощенія“... (pag. 89—90).

Этихъ немногихъ примѣровъ, думается, достаточно для того, чтобы выяснитъ самую сущность іезуитскихъ „духовныхъ упражненій“. Очевидно, центръ тяжести ихъ лежитъ всецѣло въ усиленной дѣятельности воображенія, направленаго на религіозную сферу. Въ воображеніи своемъ іезуитъ видитъ, слышитъ, обоняетъ, осязаетъ и даже вкусомъ ощущаетъ самые разнообразныя предметы потусторонняго міра, онъ живо созерцаетъ этотъ міръ въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ; попеременно нисходитъ онъ съ неба въ адъ и восходитъ обратно; внимаешь глаголамъ Божественныхъ Лицъ и самъ свободно вступаетъ въ разговоръ съ ними... Далеко ли отъ всего этого до галлюцинацій,—пусть рѣшитъ читатель (особенно принявъ во вниманіе вышеуказанную внѣшнюю обстановку упражненій). Мы же позволимъ себѣ закончить рѣчь о достоинствахъ Лойо-

¹⁾ Я умышленно ставлю здѣсь слово „разговаривая“ вм. „бесѣдуя“, потому что всякій православный христіанинъ понимаетъ „бесѣду“ съ Господомъ Богомъ только въ смыслѣ молитвеннаго обращенія къ Нему; въ данномъ же мѣстѣ экзерцицій разумѣется собственно не молитва, а именно „разговоръ“ со Христомъ, конечно—опять таки разговоръ въ воображеніи—*colloquium per imaginationem*.

ловскихъ духовныхъ упражненій слѣдующими словами Гринингера:

„Можно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе произведутъ эти размысленія и созерцанія на человѣка слабаго, съ неправильно развитымъ воображеніемъ, съ больной головой, испытывающаго въ жизни однѣ невзгоды и несчастія!... Вообразите себѣ какого-нибудь юношу, которому жизнь еще незнакома или котораго первое разочарованіе заставляетъ искать уединенія. Духовникъ вручаетъ ему книжечку Упражненій. Онъ запирается на цѣлый мѣсяцъ въ маленькой мрачной комнаткѣ, не говоритъ и не видитъ никого, кромѣ своего духовника, и цѣлый мѣсяцъ живетъ такъ, изошряя свое воображеніе, чтобы довести себя до галлюцинацій; вызываетъ видѣнія, которыя говорятъ съ нимъ, дотрогивается до ихъ одеждъ и цѣлуетъ ихъ; а если ему явится не то видѣніе, какое ему нужно, начинаетъ сокрушаться о своихъ грѣхахъ, бичевать и истязать свое тѣло, дабы окончательно лишиться разсудка, который еще не со-всѣмъ его покинулъ“ ¹⁾....

Другое, несравненно болѣе сильное, средство къ подавленію индивидуальнаго благочестія и къ замѣнѣ его шаблонно-іезуитскимъ авторъ брошюры указываетъ въ такъ называемыхъ „*отчетахъ совѣсти*“ (Gewissenrechenschaft). Говоря кратко, „отчетъ совѣсти“ есть беззавѣтное и всецѣлое раскрытіе своего внутреннѣйшаго существа, совершаемое подчиненнымъ предъ начальникомъ или его замѣстителемъ, раскрытіе всей внутренней жизни въ ея сокровеннѣйшихъ движеніяхъ и изгибахъ, раскрытіе грѣховъ и пороковъ, добродѣтелей и добрыхъ дѣлъ, склонностей и желаній, намѣреній и стремленій, словъ, дѣлъ и помысленій (стр. 24). А чтобы нагляднѣе выяснить значеніе этого средства и вмѣстѣ незаконность его, авторъ сопоставляетъ его съ исповѣдію.

„Что такое исповѣдь,—говоритъ онъ,—знаетъ каждый католикъ, знаютъ и многіе протестанты. Поэтому нѣтъ надобности наломинать, какъ глубоко проникаетъ она въ чело-вѣческое внутреннее существо, какія требованія часто поста-

¹⁾ Гринингеръ. Іезуиты. Полная исторія ихъ явныхъ и тайныхъ дѣяній. Т. 2 стр. 250.

вляеть она для борьбы съ самимъ собою. Но *исповѣдь ничто въ сравненіи съ іезуитскимъ отчетомъ совѣсти*.— Въ исповѣди католикъ видитъ таинство, т. е. учрежденіе Самого Бога, и этой высочайшей волѣ онъ охотно покаяется, іезуитскій же отчетъ совѣсти есть учрежденіе чисто-человѣческое. При исповѣди тяжесть самообличенія облегчается сознаніемъ, что все сказанное останется погребеннымъ подъ молчаливою печатью таинства, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, ни прямо, ни косвенно, духовникъ не сдѣлаеть употребленія изъ высказаннаго ему при покаяніи; при іезуитскомъ отчетѣ совѣсти не только нѣтъ такого ручательства, но наоборотъ—іезуитъ отлично знаетъ, что начальникъ, предъ которымъ онъ раскрылъ себя, непременно сдѣлаеть употребленіе изъ этого раскрытія „на пользу ордена“, что слѣдовательно положеніе и родъ занятій его во многихъ случаяхъ зависять отъ содержанія даннаго имъ раскрытія совѣсти. При исповѣди кающійся обязанъ исповѣдать только тяжкіе грѣхи¹⁾,—большаго слѣдовательно и Самъ Богъ не требуетъ отъ своего творенія; въ іезуитскомъ отчетѣ совѣсти человѣкъ (въ лицѣ начальника) требуетъ отъ человѣка же (подчиненнаго) гораздо большаго: не только грѣхи, но—какъ мы видѣли—*все* должно быть тамъ раскрыто“.

„Исповѣдь,—продолжаетъ авторъ свое сопоставленіе,—обязательна для католическаго христіанина только одинъ разъ въ году, а іезуитскій отчетъ совѣсти?—При началѣ „новиціата“ новицій обязанъ письменно изложить отчетъ совѣсти за всю свою прежнюю жизнь. Все, что, по католическому ученію, давнымъ давно уже изглажено въ исповѣди и что прощено и забыто Самимъ Богомъ, въ томъ

¹⁾ Авторъ, какъ истый католикъ, держится конечно воззрѣнія своей церкви, о которомъ мы имѣли случай говорить раньше въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 21 (въ статьѣ: „Превосходство православной исповѣди предъ іезуитско-католическою“). Здѣсь эта особенность для насъ довольно безразлична и не вызываетъ на возраженія, такъ какъ основная-то мысль автора совершенно вѣрна; дѣйствительно въѣдъ іезуитскій отчетъ совѣсти по содержанію своему далеко превосходитъ исповѣдь: въ исповѣди открываются грѣхи (конечно, не только тяжкіе, но и простительные) и грѣховныя склонности, въ отчетѣ же раскрывается рѣшительно *все*, даже добродѣтели, добрыя дѣла, намѣренія и мысли,—о чемъ на исповѣди кающемуся грѣшнику разглаговольствовать не подобаеть.

числѣ и сокровеннѣйшіе грѣхи, все это должно быть вновь открыто іезуитскому начальнику. А за этимъ первымъ великимъ отчетомъ совѣсти слѣдуетъ еще цѣлый рядъ отчетовъ въ продолженіе всего новиціата, еженедѣльно—въ меньшихъ размѣрахъ, и ежемѣсячно—опять таки въ большихъ; такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ новиціата каждый отдѣльный новицій долженъ представить по меньшей мѣрѣ 104 отчета совѣсти. — Когда затѣмъ новицій дастъ простѣйшіе обѣты ордена и сдѣлается „схоластикомъ“, тогда еженедѣльный отчетъ становится для него необязательнымъ, но все-таки-жъ очень рекомендуется ему; ежемѣсячный же отчетъ совѣсти остается и для него обязательнымъ по-прежнему. Къ этому присоединяется еще особый отчетъ на каждое полугодіе, приурочиваемый ко времени возобновленія обѣтовъ, и наконецъ—отчетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, бывающій при ежегодныхъ посѣщеніяхъ каждаго дома ордена провинціаломъ. Съ такимъ числомъ отчетовъ совѣсти проходитъ все время „схоластиката“, которое рѣдко продолжается менѣе десяти лѣтъ. — Потомъ въ „терціатѣ“, который есть собственно третій годъ новиціата по завершеніи школьнаго іезуитскаго образованія, снова является обязательнымъ тоже число отчетовъ совѣсти, какъ и въ самомъ новиціатѣ (т. е. 52). — По окончаніи терціата до произнесенія послѣднихъ обѣтовъ ордена остается обязательнымъ полугодичный отчетъ совѣсти; а по произнесеніи этихъ обѣтовъ іезуитъ обязанъ давать ежегодный отчетъ предъ провинціаломъ“ (стр. 25—27).

Указанное число отчетовъ совѣсти въ разныхъ стадіяхъ іезуитизма точно опредѣлено уставомъ ордена. Но кромѣ этихъ точныхъ и подробныхъ опредѣленій, въ уставѣ имѣется еще весьма неопредѣленная и весьма маленькая, почти незамѣтная и въ тоже время весьма достойная замѣчанія, добавка,—именно: *„и какъ бы часто ни заблагоразсудилось начальнику“*. Это значить, что всякій начальникъ отъ всякаго своего подчиненнаго имѣетъ право потребовать отчета совѣсти, когда захочетъ и сколько разъ хочетъ.

„Ясно,—заключаетъ авторъ,—вся внутренняя религіозная жизнь іезуита крѣпко и цѣликомъ держится въ рукахъ начальства, благодаря этому учрежденію отчетовъ совѣсти. Позволительно спросить: кто во всемъ мірѣ даетъ чело-

вѣку (вѣдь іезуитскіе начальники все-же люди, хотя-бы даже самъ Игнатій Лойола) право возлагать на душу другаго человѣка такое бремя, бремя болѣе тяжкое, чѣмъ исповѣдь при таинствѣ покаянія, и къ тому же—не имѣющее сакраментальнаго дѣйствія ¹⁾ и сакраментальныхъ гарантій?! ²⁾ (стр. 27).

Нѣсколько разныхъ отвѣтовъ предвидитъ себѣ авторъ брошюры (впрочемъ, отвѣтовъ непрямыхъ) и предусмотрительно устраняетъ ихъ.

Прежде всего, нѣкоторые могутъ сказать, что каждому іезуиту позволительно давать отчетъ совѣсти въ формѣ *таинства* исповѣди и такимъ образомъ облегчать себѣ тяжесть этого бремени. Но, по словамъ автора, это нисколько не облегчаетъ указанной тяжести, во-первыхъ—потому, что іезуитъ и тогда не былъ бы свободенъ въ выборѣ духовника, а обязанъ былъ бы исповѣдаться своимъ начальникомъ, во-вторыхъ—потому, что въ такой исповѣди онъ долженъ былъ бы раскрывать гораздо больше, нежели сколько требуется собственно для таинства, именно—не только тяжкіе грѣхи, но (какъ было показано выше) всю цѣликомъ душевную свою жизнь, и въ третьихъ—онъ былъ бы вынужденъ приносить исповѣдь столько именно разъ и въ то именно время, какъ опредѣлено начальствомъ, тогда какъ при разсужденіи о таинствѣ покаянія каждый свободенъ и по вопросу: когда? и по вопросу: сколь часто? Вдобавокъ ко всему этому оказывается, что возможность представлять отчетъ совѣсти въ формѣ исповѣди существуетъ лишь на бумагѣ, въ писанныхъ іезуитскихъ правилахъ, а въ дѣйствительности жизненною практикою эта возможность совершенно и давно устранена. Авторитетный генераль ордена Клавдій Аквавива постановилъ общимъ правиломъ, что даже и въ томъ случаѣ, когда отчетъ совѣсти представляется въ формѣ таинства исповѣди, начальникъ можетъ извѣстнымъ образомъ воспользоваться сказаннымъ на этой исповѣди. „Итакъ, —воскликаетъ съ горечью нашъ авторъ,—*человѣческая* рука сломала печать, наложенную Самимъ *Богомъ*

¹⁾ Т. е. не дающее благодатнаго разрѣшенія грѣховъ.

²⁾ Т. е. не обѣщающее безусловно-молчаливой тайны.

на *тайнство*, сломала ради... іезуитскаго отчета совѣсти!!“ (стр. 27—29).

Другіе, признавая вполне подавляющую тяжесть іезуитскихъ отчетовъ совѣсти, могутъ пожалуй сказать, что обязанность эта принимается каждымъ добровольно, ибо повицій при самомъ вступленіи своемъ въ орденъ узнаётъ, что предстоитъ ему, и затѣмъ въ продолженіе года ему часто напоминаетъ эта обязанность отчетовъ совѣсти; слѣдовательно, если для него эта обязанность слишкомъ тяжела, онъ можетъ разстаться съ орденомъ, пока еще не вступилъ въ него окончательно. — И это возраженіе оказывается правдоподобнымъ лишь по буквѣ, но не по существу. „Новицію, — замѣчаетъ авторъ, — дѣйствительно неоднократно указывается на отчеты совѣсти; но о подавляющей тяжести этого учрежденія изъ сотни новиціевъ развѣ только одинъ имѣетъ, не говоря уже — знаніе, а хотя бы нѣкоторое предчувствіе... Юношескій возрастъ новиція и то первоначальное увлеченіе, съ какимъ онъ принимаетъ все относящееся къ жизни ордена, отодвигаютъ всякую тяжесть на задній планъ“ (стр. 29).

Напомнимъ здѣсь, что все это говоритъ авторъ по собственному опыту и наблюденію...

Послѣ описанныхъ „духовныхъ упражненій“ и „отчетовъ совѣсти“ Гёнсбрехъ не счелъ нужнымъ много распространяться о другихъ подобныхъ же средствахъ, направленныхъ къ той же самой цѣли, — къ тому, чтобы въ точности знать и всегда держать подъ строжайшимъ контролемъ ордена внутреннюю жизнь cadaго индивидуума, его образъ мысленія и религіозно-нравственнаго настроенія. Мимоходомъ лишь и вкратцѣ упоминаетъ онъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ средствъ, напр. о томъ, что ни одинъ іезуитъ не свободенъ въ выборѣ себѣ духовника, — выбирать онъ можетъ лишь изъ очень ограниченнаго числа духовниковъ того же самаго ордена; а въ томъ случаѣ, когда около него будетъ находиться *одинъ* только духовникъ-іезуитъ, онъ *обязанъ* исповѣдаться непременно у него и не имѣетъ права обратиться къ какому-либо мірскому священнику или къ священнику другаго ордена; если же путешествующій іезуитъ, за полнымъ отсутствіемъ духовниковъ своего ордена, принесетъ исповѣданіе грѣховъ какому-либо другому священнику, то, по возвращеніи въ домъ ордена, онъ обязанъ

повторить эту же самую исповѣдь своему обычному духовнику ¹⁾. Точно также не свободенъ іезуитъ приступать и къ другимъ таинствамъ по своему собственному желанію:—ему въ точности предписано начальствомъ, сколь часто и когда онъ можетъ просить благодати.

Какъ ни важно значеніе всѣхъ такихъ средствъ и мѣропріятій, однако жъ оно не можетъ, конечно, равняться съ дѣйствіемъ знаменитыхъ „отчетовъ совѣсти“; и потому Гёнсбрехъ совершенно правъ, удѣливъ почти все свое вниманіе этимъ послѣднимъ. О нихъ-то скажемъ и мы нѣсколько словъ, во избѣжаніе нѣкоторыхъ недоразумѣній.

Весьма возможно, что рьяные поклонники іезуитизма, — каковыя въ нашемъ обществѣ несомнѣнно и къ крайнему прискорбію существуютъ, — безъ всякаго зазрѣнія совѣсти вздумаютъ сравнить іезуитское учрежденіе „отчетовъ совѣсти“ съ такъ-называемымъ „старчествомъ“ нѣкоторыхъ нашихъ лучшихъ иноческихъ обитателей. Могутъ сказать, что и приходящіе къ старцамъ точно также должны раскрывать имъ не только грѣховныя свои дѣянія и грѣховныя помыслы, но цѣликомъ всю свою внутреннюю жизнь, что они должны дѣлать это какъ можно чаще и что благодаря этому учрежденію старчества открывается возможность такъ же сильно дѣйствовать на молодыхъ иноковъ, какъ благодаря отчетамъ совѣсти дѣйствуютъ мудрые оо. іезуиты... Въ виду возможности подобныхъ кривотолковъ и для устраненія ихъ считаемъ долгомъ своимъ показать, что старчество православное имѣетъ въ дѣйствительности совсѣмъ иной *характеръ* и совсѣмъ иную *цѣль*, нежели іезуитскіе отчеты совѣсти.

Прежде всего, „старчество“ оставляетъ свободу личности неприкосновенною. „Старцы“ отнюдь не вторгаются насильственно въ душевный міръ руководимыхъ ими. Ищущіе руководства

¹⁾ Чѣмъ могло бы быть оправдано такое беззаконіе? Въдѣ исповѣдь, правильно совершенная предъ всякимъ священникомъ, даже по католическому ученію, должна считаться дѣйствительною; и если священникъ разрѣшилъ кающагося, то какъ можно заставлять послѣдняго повторять свою исповѣдь, когда грѣхи его прощены и изглажены Самимъ Богомъ? Требовать этого повторенія не значило ли бы кощунственно попираť святыню таинства, совершеннаго другимъ священникомъ?.. И не фарисейская ли гордыня сказывается здѣсь? мы-де не якоже прочіи священники...

ихъ идутъ къ нимъ добровольно, раскрываютъ наболѣвшія сердечныя раны свои, когда сами того захотятъ, а не по начальственному установленію—столько-то разъ въ году. Мы видѣли маленькую добавку іезуитскаго устава, гласящую, что подчиненные представляютъ отчеты совѣсти всякій разъ, какъ начальствующие того захотятъ. Въ православномъ старцествѣ, наоборотъ, раскрывается грѣшная немощная душа всякій разъ и столько разъ, какъ сама того захочетъ, а не тогда, когда захочетъ ея руководитель-старецъ или высшее начальство. Это оттого, что и цѣль-то старческаго врачеванія совѣсти заключается отнюдь не въ интересахъ какой-либо монашеской общины, не „въ пользѣ ордена“, а въ нравственномъ благѣ самой же врачуемой личности. Не то здѣсь важно, *своему* ли духовнику, или же *постороннему*, раскрылъ грѣховныя язвы свои покаявшійся грѣшникъ, а то, снискалъ ли онъ душѣ своей примиреніе съ Богомъ, искренно ли онъ раскаялся, имѣетъ ли сердце сокрушенное и твердое намѣреніе впредь исправиться. При наличности этихъ условій отъ него не потребуется повторенія исповѣди, хотя бы онъ совершилъ ее не предъ своимъ монашескимъ духовникомъ, а предъ постороннимъ мірскимъ священникомъ, —не потребуется конечно потому, что душа его сподобилась уже благодатнаго дара, интересамъ же общины здѣсь не должно быть мѣста.—Все это такія существенныя особенности, въ которыхъ обнаруживается коренное отличіе православнаго „старчества“ отъ іезуитскихъ „отчетовъ совѣсти“ и неизмѣримое нравственное превосходство перваго предъ послѣдними.

Показавъ, какими путями вторгается іезуитизмъ во внутреннюю жизнь каждаго отдѣльнаго своего члена, съ цѣлью придать ему религіозно-нравственный обликъ по опредѣленному шаблону своего ордена, графъ Гёнсбрехъ переходитъ далѣе къ выясненію того, какими способами и до какой степени подавляетъ іезуитизмъ свободу индивидуальности въ области *научныхъ занятій*.

Нѣкоторая доля свободы оставляется здѣсь лишь при филологическихъ и математическихъ изслѣдованіяхъ; это потому, что уже самый предметъ и характеръ такихъ изслѣ-

дованій въ значительной мѣрѣ ограничиваетъ и исключаетъ индивидуальную самостоятельность. И въ этомъ именно Гёнсбрехъ усматриваетъ главную причину, по которой въ области математики и сродной съ ней астрономіи орденъ иезуитовъ совершилъ по истинѣ выдающіеся труды. Зато въ области философіи, богословія, литературы—иезуитскіе труды поражаютъ своею шаблонностію, полнымъ отсутствіемъ оригинальности, однообразіемъ даже въ стилѣ. Здѣсь нѣтъ мѣста для того, что носило бы индивидуальный отпечатокъ; да его и быть не можетъ.

Совершенно такъ же, какъ при религіозномъ развитіи іезуита, его стараются тщательно оберегать отъ всякаго малѣйшаго чуждаго вліянія и при научномъ образованіи. „Произведенія не-иезуитскихъ авторовъ дѣлаются доступными учащемуся іезуиту только въ очень ограниченной мѣрѣ, и никогда — по собственному его свободному выбору, но всегда по выбору тѣхъ, кто руководить его занятіями. Специально-научная періодическая литература, въ которой собственно и находитъ свое выраженіе умственная жизнь даннаго времени, остается для учащагося іезуита по принципу воспрещенною и недоступною. То, что удастся ему видѣть изъ этой литературы, суть обыкновенно или исключительно іезуитскіе журналы, или же такіе, которые никоимъ образомъ не могутъ быть названы специально-научными (*fachwissenschaftliche*)“. — „Такъ и происходитъ, что послѣ семилѣтняго обученія юный іезуитъ заканчиваетъ свое образованіе, вооруженный всѣмъ философски-богословскимъ остроуміемъ прошлыхъ столѣтій, съ головою переполненною именами давно вымершихъ системъ и оставшихся безъ вліянія средневѣковыхъ ученыхъ, но въ полномъ почти невѣдѣніи объ умственной жизни настоящаго времени, о живыхъ и дѣйствующихъ научныхъ направленіяхъ, которыхъ онъ по большей части не знаетъ даже только по именамъ, ни въ ихъ представителяхъ, ни въ ихъ произведеніяхъ“ (стр. 33—34).

„Если бы занимающійся іезуитъ захотѣлъ что-нибудь почитать, возбудить и оживить умъ свой знакомствомъ съ сочиненіями иныхъ направленій, то ему, — хотя бы то былъ и зрѣлый мужъ, — отнюдь не предоставлена, какъ другимъ ученымъ, бібліотека для свободнаго пользованія, но онъ

долженъ обратиться къ своимъ начальникамъ, и по ихъ усмотрѣнію желаніе его или будетъ исполнено, или же нѣтъ. Что при этомъ очень часто господствуетъ самый узкій и ограниченный взглядъ (engherzige Auffassung), явствуетъ само собою“ (стр. 34).

„Такая, почти герметическая, замкнутость отъ всякихъ чуждыхъ вліяній сообщаетъ, конечно, іезуитскому образованію концентрацію. Но эта концентрація совершается въ ущербъ индивидуальности, самостоятельности, пожалуй даже въ ущербъ энергіи умственныхъ силъ: вѣчное научное однообразіе въ содержаніи и формѣ препятствуетъ свободнымъ порывамъ, надламываетъ силу; постепенно люди перестаютъ уже изслѣдовать самостоятельно, ходить своими собственными неизбитыми путями;—входятъ навсегда въ одну привычную колею“ (стр. 35).

„Ко всему этому присоединяется еще дальнѣйшее средство, которое довершаетъ нивелирующую работу и какъ бы желѣзной хваткой душитъ въ зародышѣ всякое научное стремленіе съ отбѣнкомъ индивидуальности. Это—*цензура*“.

„Съ самаго начала обученія вступаетъ она въ дѣйствіе, сопровождаетъ учащагося іезуита чрезъ всѣ годы его образованія и затѣмъ, по окончаніи его, ведетъ строжайшій надзоръ за научной и вообще писательской дѣятельностію іезуита... Мнѣніямъ и свободнымъ взглядамъ, сколько-нибудь уклоняющимся отъ принятыхъ доктринъ, — не говоримъ уже—отъ догматически утвержденныхъ ученій, —противустоить неумолимое „non placet“, и гениальнымъ умамъ, рвущимся къ возвышенному полету, безжалостно обрѣзаются крылья. Ясно само собою, что въ продолженіе многихъ лѣтъ обученія такою цензурою достигается научный шаблонъ, заготавливается опредѣленная выкройка ученаго одѣянія. Такимъ образомъ, ученый іезуитъ въ большинствѣ случаевъ выступаетъ въ публику въ совершенно готовой уже формѣ, и цензурѣ остается позаботиться лишь о томъ, чтобы охранять установленный уровень научности in statu quo. А если бы, вопреки этому, болѣе или менѣе самостоятельный умъ захотѣлъ проявить свою самостоятельность ощутительнымъ образомъ, то охранительная дѣятельность цензуры немедленно превращается въ беспощадно-сокрушительную. Перо вырывается изъ рукъ провинившагося и онъ самъ бываетъ

вынужденъ искать другаго занятія. Такимъ способомъ подавлено уже много крупныхъ талантовъ и отнято у науки“ (стр. 36—37).

„Итакъ,—заключаетъ Гёнсбрехъ,—вся индивидуальность человѣка, въ ея тройственномъ проявленіи, крѣпко захватывается и держится въ тискахъ разными учрежденіями иезуитскаго ордена. Но слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ учрежденіи, которое сопровождаетъ и поддерживаетъ всѣ другія; это—*непрерывное наблюденіе* за каждымъ отдѣльнымъ членомъ и *постоянныя донесенія* о немъ начальникамъ ордена“.

„Нигдѣ эта система наблюдений и донесеній не имѣетъ такихъ широкихъ размѣровъ и такого вліянія, какъ въ иезуитскомъ орденѣ... Иезуитская система наблюдений проникаетъ во всѣ жизненныя отношенія членовъ ордена, и то, что оставили въ цѣлости и неповрежденности прочія средства къ подавленію индивидуальности, нивелируется окончательно этимъ послѣднимъ средствомъ. Дѣло не въ томъ, что эти донесенія начальству даютъ чувствовать себя вѣншимъ образомъ каждому отдѣльному лицу и насильственно стѣсняють его дѣятельность; нѣтъ,—но сознаніе, что начальству представляется докладъ рѣшительно обо всемъ, дѣйствуетъ парализующимъ образомъ на индивидуальное развитіе: люди зачастую проявляютъ себя не такими, каковы они внутренно, говорятъ не такъ, какъ думаютъ, принимаютъ въ соображеніе то и другое, и постепенно самостоятельность дѣйствованія, говоренія, даже мышленія—гибнетъ въ значительной мѣрѣ“ (стр. 37—38).

Приведенныя выдержки хорошо говорятъ сами по себѣ; прибавлять къ нимъ нечего. Не можемъ лишь не выразить удивленія,—почему Гёнсбрехъ отказывается назвать иезуитскую систему постоянного наблюденія и донесенія (*Ueberwachungs—und Berichterstattungssystem*) „системою хитраго шпионства“ и утверждаетъ даже, будто орденъ иезуитскій „осуждаетъ“ шпионство (стр. 37). Что же тогда и называть *шпионствомъ*, какъ не эту именно, сейчасъ описанную, систему?! А институтъ „ангеловъ-хранителей“, о которомъ говорили мы вначалѣ статьи, не то же ли шпионство?!

Остается теперь прослѣдить, какими доводами подтверждаетъ авторъ брошюры второй свой тезисъ, т. е. что „іезуитизмъ подавляетъ, даже въ извѣстной степени уничтожаетъ законное чувство національности, законный *патріотизмъ*“.

Упразднивъ *ложный* патріотизмъ языческаго міра, смотрѣвшаго на всѣ чуждыя національности какъ на враговъ и варваровъ, которыхъ всего лучше совсѣмъ уничтожить, христіанство провозгласило всеобщее братство людей: всѣ люди—дѣти одного Бога, всѣ призваны къ одному и тому же вѣчному наслѣдію, всѣ искуплены однимъ и тѣмъ же Искупителемъ. Но за *истиннымъ* патріотизмомъ и за истиннымъ чувствомъ національности признается вполне законное право и въ христіанствѣ. Неизмѣнная, преданная любовь къ родному отечеству составляетъ принадлежность самой природы человѣка, слѣдовательно—вложена въ сердце наше Самимъ Богомъ.

Такимъ разсужденіемъ начинаетъ авторъ вторую часть своей брошюры и затѣмъ прямо ставитъ вопросъ: „охраняется ли и поддерживается ли этотъ (истинный) патріотизмъ въ іезуитизмѣ?—Нѣтъ“, отвѣчаетъ онъ съ рѣшительностію.

„Отнюдь не хочу я утверждать,—продолжаетъ онъ,—что подавленіе его въ іезуитизмѣ поставляется какъ особая цѣль; но оно съ необходимостію вытекаетъ изъ всей системы,—потому именно, что эта система трудится надъ *нивелировкой* внутренняго настроенія,—потому, что постепенно, но съ вѣрнымъ расчетомъ развиваетъ она полное равнодушіе и безразличное отношеніе къ мѣсту жительства, къ языку и политическимъ учрежденіямъ: Европа или Азія, нѣмецкій или французскій языкъ, республика или монархія, это—*suppositis supponendis*—совершенно одно и то же, вполне равнозначительно. Іезуитъ такъ воспитывается, что онъ во всѣхъ этихъ различныхъ условіяхъ чувствуетъ себя одинаково хорошо, какъ дома“.

„Уже потому именно, что орденъ хочетъ быть *единымъ* организмомъ съ *одиноковою* жизнію, съ *одинаковыми* чувствами и съ *одинаковымъ* мышленіемъ во всѣхъ отдѣльных членахъ,—уже поэтому здѣсь не можетъ быть рѣчи о развитіи или даже только о поддержаніи патріотизма.

Если нѣмцы и французы, англичане и русскіе, поляки, испанцы, итальянцы, американцы, шведы, датчане, венгерцы, японцы и китайцы должны быть проникнуты *одинаковымъ настроеніемъ*, тогда все особенное и своеобразное, что принадлежитъ каждой отдѣльной изъ этихъ націй, должно быть отринуто,—а именно въ этомъ-то особенномъ и своеобразномъ лежитъ центръ тяжести патріотизма“ (стр. 38—39).

„И чѣмъ космополитичнѣе іезуитъ, чѣмъ меньше по *настроенію* своему, а не только по дѣйствіямъ (это важно отмѣтить) тяготѣетъ онъ къ отечеству и родной землѣ, чѣмъ равнодушнѣе къ формѣ правленія, подъ охраной которой живетъ,—тѣмъ онъ лучше, тѣмъ ближе къ идеалу іезуита“ (стр. 40).

Къ этому-то идеалу стремится іезуитское воспитаніе. „Отъ самаго вступленія въ орденъ даже до конца жизни іезуиту внушается, что онъ живетъ для міра, а не для той или другой націи; практически дается ему это понять отправленіемъ въ самыя разнообразныя земли. Изъ Германіи во Францію, въ Америку, Индію, Бразилію, Италію, Швецію;—тамъ онъ долженъ съ возможною точностію ознакомиться и сжиться съ мѣстными социальными и политическими отношеніями, принаровиться къ народному характеру, къ народнымъ воззрѣніямъ“.

„Такая система,—заключаетъ авторъ,—дастъ въ результатѣ съ безупречнымъ однообразіемъ дѣйствующія *силы*, но отнюдь не *патріотовъ*“ (стр. 43).

Авторъ, впрочемъ, дѣлаетъ оговорку.

„Если я,—говоритъ онъ,—отрицаю у іезуитскаго ордена *патріотизмъ*, то я вовсе не хочу упрекнуть его въ *антипатріотизмъ*. Государственное устройство, законная власть всегда и повсюду найдутъ себѣ въ іезуитскомъ орденѣ надежнаго союзника, но только не охранителя и не воспитателя патріотизма. — Да и эти послѣднія слова долженъ я оградить отъ неправильнаго пониманія. Они относятся только къ тому воспитанію, которое даетъ орденъ своимъ собственнымъ членамъ; но они не относятся къ той системѣ воспитанія, которая имѣетъ въ виду постороннее юношество въ іезуитскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Здѣсь имѣетъ еще мѣсто развитіе патріотическаго настроенія, но самъ іезуитъ и іезуитская система не знаютъ его“ (стр. 41—42).

Довольно трудно согласиться вполне съ этою оговоркою автора. Сомнительнымъ представляется, чтобы іезуиты *разви-вали* патріотическое чувство въ постороннихъ питомцахъ своихъ школъ. Вѣдь, сами учителя и воспитатели въ этихъ школахъ—оо. іезуиты—не имѣютъ въ себѣ ни малѣйшаго патріотизма и чувство любви къ отечеству имъ совсѣмъ не-вѣдомо (развѣ лишь по воспоминаніямъ дѣтства, да по книжкамъ). Какъ же могутъ они развивать его въ своихъ питомцахъ? Какъ могутъ они дать питомцамъ то, чего и сами не имѣютъ? Не имѣющій любви можетъ ли научить любви?!

Но какъ бы то ни было, оговорка эта во-очію показы-ваетъ, какъ безпристрастенъ Гёнсбрехъ въ своихъ отзы-вахъ объ іезуитизмѣ, какъ далекъ онъ отъ всякихъ лиш-нихъ обвиненій и наговоровъ на этотъ орденъ. Тѣмъ-то и дорого для насъ его свидѣтельство; потому-то и рѣшились мы охарактеризовать отношеніе іезуитизма къ личности по его брошюрѣ.

А. Шосткинъ.
